

Атрэй Блэквуд

ЧЕТВЕРТОЕ СОСТОЯНИЕ

Атрэй Блэквуд

Четвертое состояние

«Автор»

2026

Блэквуд А.

Четвертое состояние / А. Блэквуд — «Автор», 2026

Научно-фантастический хоррор рассказывает об опальном нейрофизиологе Дэниеле Харте, который в кустарных условиях создает уникальный интерфейс, способный оцифровывать человеческие мысли и превращать их в математические паттерны. Объединив усилия с эксцентричным коллегой, ученый решается на опасный эксперимент — перенос записанных данных человеческой памяти на выращенные из стволовых клеток живые органоиды. Однако невинное стремление зафиксировать работу мозга оборачивается экзистенциальной катастрофой, когда созданная технология открывает прямую дверь в пугающие, неведомые глубины человеческого подсознания.

© Блэквуд А., 2026

© Автор, 2026

Атрэй Блэквуд

Четвертое состояние

ЧАСТЬ 1: ПЕРВАЯ БУКВА ЯЗЫКА

Дэниел Харт собрал свой первый работающий интерфейс в помещении, которое меньше всего подходило для фундаментальных прорывов в нейрофизиологии. Это был заброшенный стоматологический кабинет в полуподвальной пристройке к старому исследовательскому корпусу на глухой окраине города. За пыльными окнами, заклеенными старой изоляцией, уныло вылился серый ноябрь, шумела круглосуточная автомойка и моргал грязно-багровый неон автокафе. Внутри пахло старой известью, ржавым железом и застоявшимся лекарственным антисептиком.

Прибор выглядел буднично, почти убого: модифицированный многоканальный ЭЭГ-комплекс, самодельный модуль усиления сигнала, спаянный на коленке из деталей старых радиоприёмников, и ноутбук с потрескавшимся пластиковым корпусом. На его экране, лениво жужжа перегруженным кулером, вращалась трёхмерная модель — плотное, постоянно меняющее форму облако мерцающих точек. Дэниел называл эти структуры «туманностями».

Харт был нейрофизиологом, которого за два года до этого с позором вычеркнули из академических кругов. Профильные журналы отказались публиковать его статью о «цифровой читаемости мысли», сочтя её псевдонаучной фантастикой, граничащей с шизофренией. Коллеги утверждали, что человеческая мысль — это неосознаваемая абстракция. Дэниел знал, что мысль — чистая математика. Архитектура электрических импульсов, которую можно зафиксировать, разложить на двоичный код, очистить от шумов и собрать заново на внешнем носителе.

Первым и единственным подопытным на начальном этапе был он сам. Ему нечем было платить, и некому было доверять.

Дэниел закрепил на своей голове шестнадцать влажных хлорсеребряных электродов, сел в ободранное стоматологическое кресло и запустил скрипт генеративной нейросети. Закрыв глаза, он заставил свой разум сосредоточиться на одной-единственной, самой простой задаче.

— Представить белый фон, — негромко произнёс он в пустую комнату, чтобы зафиксировать тайм-код на звуковой дорожке. — Только фон. Абсолютное, стерильное ничто. Без форм и границ.

Ноутбук нутужно взвыл, обрабатывая входящий каскад потенциалов из темных зон. На экране родилась первая стабильная «туманность» — идеальная сфера из миллионов микроскопических пикселей. Дэниел смотрел на неё и чувствовал, как по спине пробегает холод: это была первая буква языка, которого ещё не существовало в живом мире.

На следующем сеансе он представил зелёный цвет. Точки на экране вспыхнули по совершенно другой траектории. Логика системы была безупречной: наложив две модели друг на друга, Дэниел на математическом уровне увидел, как «зелёный» рождается из «белого» — одни звёзды в цифровом облаке гасли, другие загорались, маркируя трассы зрительной коры. За две недели непрерывных, изнуряющих сеансов он оцифровал сорок семь базовых паттернов: красный, синий, яблоко, стул, нож, контур человеческого лица. Повтор давал стопроцентное совпадение. Мозг «думал» о предметах по строгим, фиксированным рельсам.

Для калибровки системы Дэниелу был нужен простейший динамический образ из его собственного детства — что-то, что он знал идеально, до мельчайших сенсорных нюансов. Учёный закрыл глаза и вызвал из памяти старое воспоминание: зелёное поле на даче, глубокий овраг на краю и маленький белый пластиковый мяч, катящийся по траве. Он помнил упругость этого пластика, треск сухих веток под ногами и томительное детское ожидание — упадёт мяч в обрыв или застрянет на самом краю.

Программа выдала картинку мгновенно. На экране, повинаясь импульсам его затылочных долей, сформировался чёткий, рваный, но абсолютно узнаваемый узор. Паттерн «Мяч». Дэниел сохранил этот файл под именем Calibration_01.dat. Он ещё не знал, что эта цифровая формулировка детского воспоминания станет исходным кодом для конца человеческой истории.

Ему были нужны чужие данные. Один мозг — это не статистика, а личная девиация. Нужен был другой разум, другой способ восприятия реальности.

Вторым подопытным стала София. Ей было тридцать лет, она работала лаборанткой в корпусе биохимии через дорогу. Девушка согласилась приходить на вечерние сеансы за скромную плату из чистого женского любопытства, после того как Дэниел показал ей распечатки своих цифровых «звёздных карт». София сказала, что это красиво и похоже на навигацию по созвездиям. Учёный ответил, что в каком-то смысле так оно и есть.

Сеансы с Софией привнесли первые пугающие аномалии. Когда Дэниел попросил представить тот же белый фон, её «туманность» не совпала с его собственной ни на один процент — мозг девушки строил пустоту через другие нейронные ансамбли. Но когда он скомандовал ей визуализировать обычное яблоко, программа выдала паттерн, ядро которого совпало с моделью Дэниела на 84%. Базовые образы материального мира в головах всех людей были идентичны. Различия крылись лишь в шлейфе личных ассоциаций: учёный думал о кислом зелёном плоде, София — о красном и сладком. Машина легко очищала ядро от этих ментальных шумов.

К двадцатому сеансу Дэниел научился читать мысли Софии в реальном времени с задержкой всего в три секунды. Но то, что произошло на сорок восьмом сканировании, заставило его впервые засомневаться в безопасности эксперимента.

Это был их первый ночной сеанс. Дэниел закрепил обруч с электродами на голове засыпающей Софии, настроил непрерывную запись потенциалов коры и оставил программу работать до утра. Семь часов сырых несжатых данных сна. Программа переваривала их всю ночь, выжимая процессор до предела.

Утром Дэниел подошел к ноутбуку и запустил сгенерированный видеоряд. Картинка на экране была до ужаса детальной. Софии снилось, что она идёт по длинному бесконечному коридору своей старой общеобразовательной школы. Но пугающим было не содержание сна, а то, как нейросеть его визуализировала. Чёткость была потрясающей. Лица на крошечных коллективных фотографиях, висевших на стенах коридора, были различимы до мельчайших деталей, хотя сама девушка после пробуждения клялась, что не помнила свой сон.

В самом дальнем тёмном конце коридора, там, где человеческий глаз во сне физически не мог ничего разглядеть из-за темноты, программа по собственной инициативе дорисовала приоткрытую тяжёлую дверь. За ней зияла непроглядная антрацитовая пустота. И в этой пустоте что-то медленно шевелилось. Нейросеть выделила это движение фиолетовым контуром и попыталась восстановить форму объекта, хотя в исходных электрических сигналах мозга Софии этого образа не было. Машина словно извлекла на свет то, что мозг девушки знал, но упрямо отказывался показывать её сознанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.